

~~875~~ № 3/5
33

943/1926г.

ТРУДЫ

Иваново-Вознесенского Губернского
НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА
КРАЕВЕДЕНИЯ

ВЫП. 4.
СБОРНИК
ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ

Село Иваново в жизни

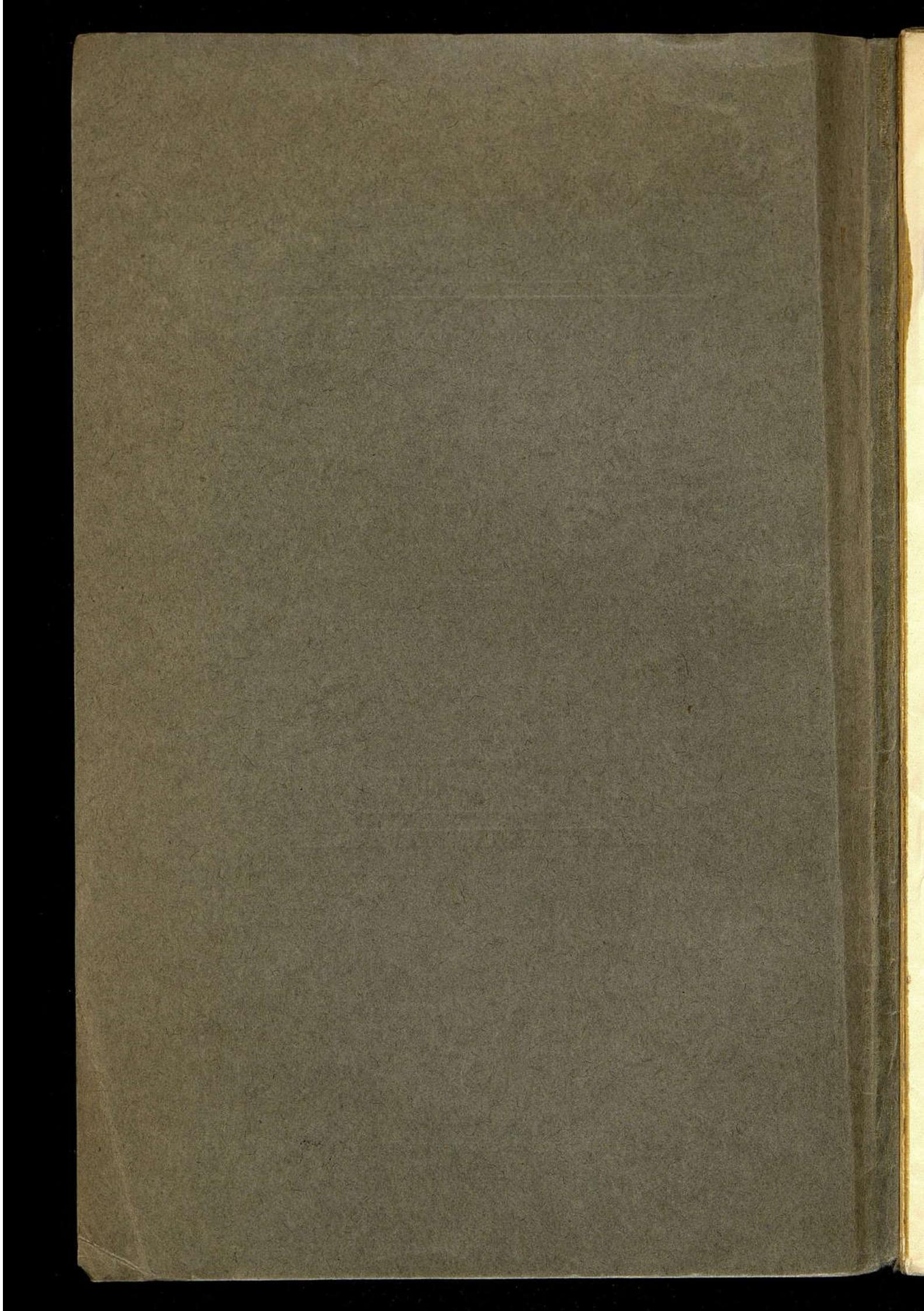
С. Г. Нечаева.

Шуйский кружок 80-х годов.

Из школьных лет

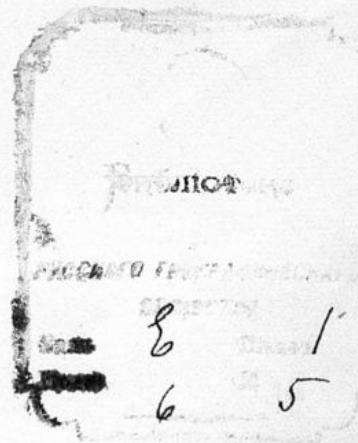
К. Д. Бальмонта.

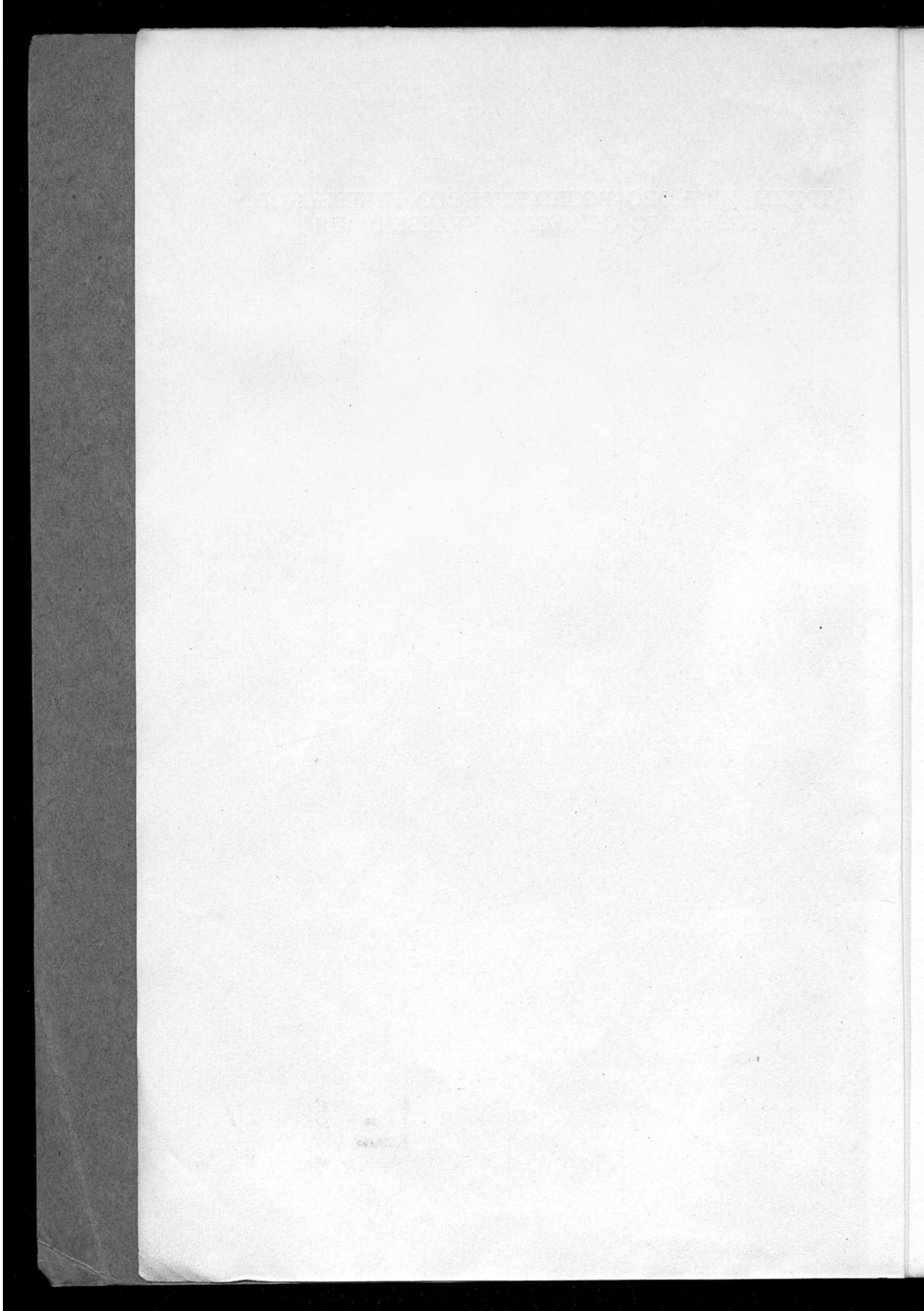
Иваново-Вознесенск
1926

ТРУДЫ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОГО ГУБЕРНСКОГО
НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДЕНИЯ

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ
СОБЫТИЯ

ТРУДЫ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОГО ГУБЕРНСКОГО
НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДЕНИЯ

ВЫП. 4.

17-4646

**ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
СБОРНИК**

Иваново-Вознесенск
1926

ОПОЧКАНІЯ СЛОВЧИСЬКО-БОНОВАМ ІМУС
КІНЕЗЕРСЬКА АКАДЕМІЧНА СЮНДА

Напечатано в типо-литогр «Красный
Октябрь» Книгоиздат. Т-ва «Основа»
в Иваново-Вознесенске в количестве
1000 экземпляров. Печатн. лист. 5.
Гублит № 1306. Заказ № 1746.

A. N. Овсянников.

Из школьных лет К. Д. Бальмонта—история увольнения его из Шуйской гимназии (1884 год).

(По документам секретного архива гимназии).

Наш поэт Константин Дмитриевич Бальмонт, как известно, учился в Шуйской гимназии, — в Шуе жили его родители, — но из VII-го класса вместе с несколькими другими учениками был исключен и кончал курс уже во Владимире. Этот эпизод в жизни поэта имеет большую важность, потому что отразился на нем весьма болезненно, о чем свидетельствует он сам. В своем автобиографическом письме от 17 мая 1903 года, помещенном в книге С. А. Вентерова «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых» К. Д. Бальмонт пишет: «Учился (я) в Шуйской гимназии. Из 7 класса в 1884 году был исключен по обвинению в государственном преступлении (принадлежность к революционному кружку), но через 2 месяца был принят во Владимирскую гимназию, где кончил курс, прожив как в тюрьме полтора года под надзором классного наставника (Седлака), в квартире его мне было приказано жить. Гимназию я проклинаю всеми силами. Она на долго изуродовала мою нервную систему». Из московского университета поэт даже должен был выйти благодаря нервному расстройству, а 22-х лет делает попытку к самоубийству, бросившись через окно на камни с высоты 3-го этажа. Он остался однако жив, получив только разные переломы и пролежав в постели целый год. Переход в те годы ученика из одной гимназии в другую, особенно такую трудную, как Владимирская гимназия, да еще в старшие классы, был делом рискованным. Вероятно, К. Д. Бальмонту стоило большого труда добиться во Владимире аттестата зрелости. Переход из родительского дома, где поэт был окружен любовью и лаской, из родной семьи, где его баловали, в чужую среду, под постоянный надзор, скорее полицейский, чем педагогический, конечно был для него очень тяжел, тем более, что в Шуйской гимназии он пробыл 8 лет и сохранил о ней добрую память. Весною 1917 года наш поэт был на своей родине в Шуе и посетил гимназию, где беседовал с учениками и преподавателями, которые были собраны в актовый зал, при чем с особой благодарностью отнесся к одному из своих старых учителей М. В. Сперанскому, упомянув, что ему он обязан выработкой своего слога.

Заинтересовавшись вопросом, за что именно был уволен К. Д. Бальмонт из Шуйской гимназии, — мы ни от кого об этом узнать не могли и, как потом оказалось, по весьма простой причине: дело об увольнении нескольких учеников из Шуйской гимназии, в том числе и Бальмента, было секретное, производилось помимо педагогического

совета гимназии и обстоятельства его сохранялись в такой тайне, что о них ничего не знали ни преподаватели, ни даже инспектор. Революция открыла секретные архивы, и в архиве школы 2 ступени г. Шуи, в котором хранились дела бывшей шуйской мужской гимназии, не без труда удалось нам отыскать секретные документы по делу об увольнении в 1884 г. нескольких учеников, в том числе и поэта Бальмонта. Результатом этих архивных разысканий и является настоящая работа.

Константин Дмитриевич Бальмонт родился в сельце Гумницах недалеко от Шуи 3-го июня 1867 года. Отец его Дмитрий Константинович, небогатый дворянин, служил долго, около 50 лет в Шуйском уезде, был мировым посредником, мировым судьей, председателем съезда мировых судей и председателем уездной земской управы. За год до своей смерти (в 1907 г.) он вышел в отставку. Мать поэта Вера Николаевна, урожденная Лебедева, играла большую роль не только в Шуе, но и во Владимире, как устроительница любительских спектаклей и концертов, любила собирать у себя общество, писала заметки и небольшие статьи в провинциальных газетах. Она тоже умерла. Семья Бальмонтов была довольно большая.

В своей автобиографии К. Д. сообщает, что по семейным преданиям предки его были какие-то шотландские или скандинавские моряки, переселившиеся в Россию. Фамилия Бальмонт очень распространена в Шотландии. Предки матери поэта были татары. «Быть может этим — говорит К. Д. — можно объяснить необузданность и страсть, которая всегда отличала мою мать и которые я от нее заимствовал, также как и весь свой душевный строй». По окончании курса во Владимирской гимназии наш поэт поступил в Московский университет, но юридическими науками занимался весьма мало, зато усиленно изучал немецкую литературу и историю великой французской революции. В 1887 году, как один из главных организаторов студенческих беспорядков, он был привлечен к университетскому суду, исключен и выслан в Шую. Через год его приняли в Московский университет, но через несколько месяцев К. Д. оставил его, благодаря нервному расстройству. В 1889 г. он поступил в Ярославский Демидовский лицей, но снова вышел через несколько месяцев «и более уже не возвращался к коренному образованию». Своими знаниями в области истории, философии, литературы и филологии он обязан только себе. Впрочем первый и сильный толчек в этом отношении ему был дан старшим его братом, который очень увлекался философией и умер 23 лет в помещательстве (религиозная мания). В юности К. Д. Бальмонт всего более увлекался общественными вопросами. Мысль о воплощении человеческого счастья на земле всегда ему была дорога. Затем его всецело поглощают вопросы искусства и религии. Вслед за выздоровлением от переломов, полученных при покушении на самоубийство, последовал небывалый расцвет умственного возбуждения и жизнерадостности у поэта (автобиография).

В архиве Шуйской гимназии мы собрали сведения о К. Д. Бальмонте, как об ученике. Он поступил в августе 1876 года в приготовительный класс Шуйской прогимназии, вскоре преобразованной в гимназию, 9 лет. Приемные испытания сданы на круглую 4-ку. На оборотной стороне экзамененного листа детский автограф поэта — диктант и арифметическая задача.

Учился Бальмонт посредственно, что видно из так называемых балловых книг, в которые заносились четвертные и годовые отметки учеников; лучшие успехи он оказывал по истории и по французскому

языку, в III-м классе оставался на 2-й год. По отзыву учителей, — это был способный мальчик, не страдавший гимназическим честолюбием, почему он и не гнался за хорошими отметками.

Данные об успехах и поведении Бальмонта мы сводим в следующую таблицу, в которую вносятся годовые отметки, а где их нет, то четвертные:

КЛАССЫ	Закон божий	Русский язык	Латинский язык	Греческий язык	Немецкий язык	Французский язык	Математик.	История	География	Физика	Поведение
Пригостительный 1876—1878 уч. год	5 5 4 4	3 3 4 4	— — — —	— — — —	— — — —	— 1 — 3	4 3 3 3	— — — —	— — — —	— — — —	5
I-ый 1877—1878 уч. год	1-е полугод. 3 2-е 3	4 3	3 3	— —	— —	— —	3 2	— —	2 3	— —	4 4
II-ой 1878—1879 уч. год	3 3 4	2 3 3	2 3 3	— — —	3 3 3	4 4 5	3 2 3	— — —	2 2 3	— — —	4
III-ий 1879—1880 уч. год	3 ¹ / ₄	2 ¹ / ₄	2	2 ¹ / ₂	2 ¹ / ₄	2 ¹ / ₄	2	3 ¹ / ₂	2 ³ / ₄	—	4
III-ий 1880—81 уч. год	4	3	3 ¹ / ₄	3	3 ¹ / ₄	3 ¹ / ₄	2 ³ / ₄	4	3	—	4
IV-ый 1881—1882 уч. год	4	2 ³ / ₄	2 ¹ / ₂	2 ³ / ₄	2 за 2-ю четверть	4	2 ³ / ₄	3	3	—	4
V-ый 1882—1883 уч. год	4	3 ¹ / ₂	2 ³ / ₄	3	—	3 ¹ / ₄	3 ¹ / ₂	4	—	—	4
VI-ый 1883—1884 уч. год	3 ¹ / ₄	3	2 ³ / ₄	2 ³ / ₄	3	—	3	3	—	3 ¹ / ₂	4

Поведение Бальмонта, кроме приготовительного класса, отмечалось всегда баллом 4, вероятно благодаря живости его характера. Записей о поведении почти нет, и никаких серьезных пропусков не отмечено. В книге протоколов педагогического совета гимназии отмечается невнимание и рассеянность ученика I класса Бальмонта Константина, за что в конце года постановлено сделать ему особое от лица совета внушиение (19 мая 1878 г.). За II-й класс совет определил «поставить на вид и сделать ученику К. Бальмонту от лица совета выговор за неудовлетворительный балл и за невнимание по математике (26 октября 1878 г.)». За VI-й класс записи: «Оставлен на 1 час за уклонение от пения».

(23 января 1884 г.). «За незнание урока и ослушание оставлен на 1 час» (31 мая 1884 г.).

Осенью 1884 года из Шуйской гимназии было уволено 5 учеников: 21-го августа Ильин Федор, VIII-го класса, 18-го сентября: Белоцветов Иван и Листратов Николай VIII кл., Бальмонт Константин VII-го и Толчевский Александр VI-го кл. Все эти ученики были уволены согласно прошений родителей: Ильин, Листратов и Толчевский — «по домашним обстоятельствам», Белоцветов — «вследствие болезни, требующей продолжительного и серьезного лечения» и Бальмонт — «вследствие болезни». Увольнение учеников последовало помимо педагогического совета; директором гимназии Рогозинниковым было предложено родителям их взять своих сыновей из гимназии, конечно, под угрозою исключения, в случае неисполнения этого требования, с худшей аттестацией, так что родители были вынуждены подчиниться. В тот же день, когда ученики были уволены, им были выданы документы и свидетельства об образовании, при чем всем была поставлена пониженная отметка в поведении — 4, тоже без педагогического совета, которому принадлежало право аттестовывать поведение учеников. В свидетельстве К. Бальмента за № 971 по всем предметам выставлены тройки. Все его бумаги — свидетельство, метрику и медицинское свидетельство по доверенности матери получил брат поэта Аркадий Бальмонт. Самому старшему из этих учеников Ильину было тогда 20 лет, Белоцветову — 19, Листратову и Толчевскому — 18 и Бальмонту — 17 лет.

В чем же состояла вина этих учеников? Что послужило причиной столь быстрого их увольнения из гимназии? Ответ на эти вопросы нам дал секретный архив б. Шуйской гимназии. Оказывается, что 21 августа 1884 года помощник начальника Владимирского губернского жандармского управления в Шуйском уезде подполковник Завьялов сообщил директору Рогозинникову за № 242, что ученик VIII класса Федор Васильев Ильин им привлечен к производимому им дознанию в качестве обвиняемого по 252 статье Уложения о наказаниях с учреждением за ним надзора полиции. На бумаге этой рукою директора была сделана помета: «ученика из гимназии уволить», — и в тот же день, как мы видели, он и был уволен, при чем об увольнении Ильина немедленно было сообщено попечителю московского учебного округа (за № 865) и владимирскому губернатору (за № 876) с указанием на то, что поводом к увольнению ученика послужило секретное отношение подп. Завьялова.

Остальные ученики были уволены 18 сентября, вероятно, вследствие телеграммы полковника Фелицына, начальника владимирского губернского жандармского управления; — о них директор Рогозинников доносил секретно попечителю округа с приложением телеграммы Фелицына, но ни этого донесения (от 22 сентября за № 1017), ни копии с телеграммы в делах гимназии не оказалось. Подп. же Завьялов 23-го сентября 1884 г. за № 295 сообщил директору, что ученики Николай Листратов, Иван Белоцветов VIII-го кл., Константин Бальмонт VII-го и Александр Толчевский VI кл. привлечены им, как и Ильин, к дознанию в качестве обвиняемых по ст. 258 и 318 Уложения о наказаниях и отданы под надзор полиции. Копия с этой бумаги директором на другой же день была отправлена попечителю округа (за № 1018).

В чем обвинялся гимназист Ильин и его товарищи можно видеть из «Записки» по делу Ильина, составленной в Министерстве Юстиции

и присланной в копии от попечителя московского учебного округа в Шуйскую гимназию в 1886 году, т.-е. через два года после оставления Ильиной гимназии. Записка эта сохранилась также в секретном архиве гимназии. Содержание ее следующее:

«Записка по делу о воспитаннике гимназии Шуйском мещанине Федоре Ильине, обвиняемом в государственном преступлении.

«В июле месяце 1884 года в г. Шуе Владимирской губернии обнаружены были признаки противоправительственного движения в среде местной учащейся молодежи.

«При производстве по сему поводу дознания выяснено, что летом 1883 года несколькими воспитанниками Шуйской гимназии и приехавшими на летние каникулы студентами высших учебных заведений образован был кружок саморазвития, к которому примкнули и некоторые другие бывшие их товарищи по месту воспитания.

«Кружок этот, не имевший ни определенного устройства, ни программы действий первоначально проявлял свое существование лишь в случайных собраниях, на коих читались и обсуждались произведения современной литературы и журналистики, засим в конце года в среде кружка стали обнаруживаться попытки к созданию более правильной организации с противоправительственным направлением.

«Главным и почти единственным деятелем в этом направлении явился смотритель шуйской земской больницы почетный гражданин Иван Предтеченский (ныне *) уже умерший), который, будучи более энергичным членом в кружке саморазвития и предоставив свою квартиру для собраний, стремился направить деятельность кружка на обсуждение вопросов государственного и общественного характера и таким образом подготовить его к восприятию революционных идей. Из дела видно, что 29 декабря 1883 года в квартире Предтеченского было устроено большое собрание, на коем присутствовавшие рассуждали о притеснении рабочих и эксплоатации труда, о степени необходимости организации для пропаганды социалистических идей и революционной деятельности вообще, а также относительно положения партии Народной Воли и Черного Передела.

«К помянутому кружку саморазвития, собиравшемуся у Предтеченского, принадлежал в числе других лиц, и обучавшийся в Шуйской гимназии Федор Васильев Ильин (20 лет), который вместе с другими участвовал и в происходившей у Предтеченского 29 декабря 1883 г. противоправительственной сходке.

«Независимо от сего спрошенный при дознании в качестве свидетеля крестьянин Шиков, состоявший в услужении у отца названного обвиняемого, показал, что однажды он, свидетель, в одном из помещений дома Ильиных нашел на полке и взял себе связку печатных листов, озаглавленных «Народная Воля», за возвращение коей Федор Ильин предлагал ему денежное вознаграждение. (Подпись) Чиновник особых поручений при Департаменте Министерства Юстиции Н. Кунинцын».

Вместе с шуйскими гимназистами привлекался также по статье 252 Уложения о наказаниях бывший ученик Коломенской гимназии Сергей Петров, о котором нам удалось тоже собрать сведения в секретном архиве Шуйской гимназии. До 3-го декабря 1883 года Петров учился в Шуйской гимназии, но был уволен из V-го класса «за то, что

---

*) Добавим: в тюрьме.

позволил себе в этот день явиться на уроки с явными признаками нетрезвости», как сказано в официальной бумаге. Увольнение последовало по прошению матери «по домашним обстоятельствам» с отметкою в поведении — 4. Заметим, что в те времена пониженная отметка в поведении служила иногда не малым препятствием при поступлении в другое учебное заведение. Петров впрочем поступил в Коломенскую гимназию, Московской губернии, весьма малолюдную. Ему тогда было 18 лет. Осенью 1884 года ему пришлось оставить и эту гимназию, о чем свидетельствует секретное предложение попечителя московского учебного округа от 7 декабря 1884 года за № 770 на имя директора Шуйской гимназии следующего содержания: «По определению педагогического совета Коломенской гимназии от 27 сентября сего года ученику шестого класса Сергею Петрову предложено было оставить гимназию и перечислиться по месту жительства его матери, так как дальнейшее пребывание Петрова в Коломне ввиду учрежденного за ним полицейского надзора представлялось неудобным, преимущественно по трудности постоянного за ним наблюдения со стороны гимназического начальства, за отсутствием наблюдения домашнего. Вследствие сего означенный ученик Сергей Петров 2-го октября 1884 года был взят из гимназии по прошению его матери вдовы крестьянина Анастасии Петровой».

Таким образом ученик С. Петров лишился возможности учиться в Коломенской гимназии не за какую-либо свою вину, а лишь для удобства гимназического начальства: его пребывание в Коломне «представлялось неудобным, преимущественно по трудности постоянного за ним наблюдения со стороны гимназического начальства». «Перечислиться» в Шуйскую гимназию, как мы увидим далее, Петрову не удалось благодаря противодействию директора Рогозинникова.

Уволенные гимназисты лишены были возможности поступить в какое-либо учебное заведение в другом городе: хотя вскоре надзор полиции был снят с них и с С. Петрова, но они, как обвиняемые, были обязаны подписками о неотлучке с места постоянного их жительства, о чем 10-го октября 1884 г. за № 333 жандармский офицер Завьялов сообщил директору гимназии конфиденциальным письмом. Мера эта была принята по соглашению с товарищем прокурора московской судебной палаты Фальковским.

12-го октября в гимназию поступило еще какое-то секретное отношение подполк. Завьялова, но оно не сохранилось в делах и о нем имеется лишь запись в журнале входящих бумаг под № 378, без указания содержания.

Конечно родители уволенных учеников, а особенно энергичная и влиятельная Вера Николаевна Бальмонт, хлопотали у попечителя московского учебного округа гр. Капниста о разрешении их детям продолжать курс учения, если не в Шуе, то хотя бы в каком другом городе. 25 октября директором Рогозинниковым была получена бумага от попечителя округа следующего содержания (от 23 октября за № 7944): «Вследствие донесений ваших от 21 августа, 22 сентября и 11 октября сего года за №№ 865, 1017 и 1091 по делу об учениках Шуйской гимназии Белоцветове, Ильине, Листратове, Бальмонте и Толчевском, привлеченных к дознанию в качестве обвиняемых по прикосновенности их к недозволительным кружкам, имею честь уведомить вас, М. Г., что ученик Белоцветов для дальнейшего образования в гимназию принят быть не может (сму, как говорили повредило его пристрастие к спиртным напиткам. А. О.).

«Что касается остальных учеников Шуйской гимназии Ильина, Листратова, Бальмента и Толчевского, то в виду уведомления прокурора московской судебной палаты, с которым я входил в сношение по вопросу о продолжении теми учениками учения, что им сделано разспоряжение об отмене подписки о неотлучке из места жительства по-мнущих воспитанников, мною предложено родителям их подать прошения о принятии Бальмента и Листратова во Владимирскую, Толчевского — в Калужскую и Ильина — в Рязанскую гимназии для окончания образования».

Удалось ли затем Белоцветову поступить в какую-либо гимназию — мы не знаем.

Затем относительно приема шуйских гимназистов пошла обычная в то время переписка, благодаря чему замедлилось поступление их в те гимназии, куда их разрешено было принять.

Директор Владимирской гимназии от 27 октября 1884 года за № 1306 просил Шуйскую гимназию уведомить его «о нравственных качествах» учеников Листратова и Бальмента, на что был дан секретный ответ от 28 октября за № 1120, черновика которого в делах не сохранилось, — в нем должна была находиться характеристика Бальмента и Листратова, как учеников. О Толчевском был дан обстоятельный ответ в Калужскую гимназию.

В конце концов Бальмонт и его товарищи, были приняты, но уже тогда, когда первое полугодие учебного года подходило к концу, так что многое надо было положить ученикам труда, чтобы догнать своих новых товарищ.

Что касается С. Петрова, то мы уже упомянули, что ему не удалось возвратиться в Шуйскую гимназию. Секретное сообщение попечителя округа о Петрове от 7 декабря 1884 г. за № 770 в заключение говорит: «В настоящее время, как известует из имеющихся в деле сведений, полицейский надзор за бывшим гимназистом Петровым прекращен, вследствие чего к дозволению ему продолжать дальнейшее образование препятствий не встречается».

«В виду сего и принимая во внимание прошение матери Сергея Петрова Анастасии Петровой я (попечитель округа) разрешаю принять бывшего ученика VI класса Коломенской гимназии Сергея Петрова в число учеников Шуйской гимназии, учредив за ним строгий надзор».

Получив такое приказание, директор Рогозинников не привел его однако в исполнение, а донес попечителю 9-го декабря за № 1174 о том, что обратное принятие в Шуйскую гимназию бывшего ученика Петрова «оказывается недопустимым и вредным для сохранения действующей дисциплины», так как он был уволен из гимназии за год до этого, 7-го декабря 1883 года «за то, что позволил себе явиться на уроки с явными признаками нетрезвости».

С этими соображениями директора Рогозинникова попечитель согласился и от 12-го декабря 1884 года за № 782 секретно сообщил ему: «объявить матери означенного ученика вдове крестьянину Анастасии Петровой, что в виду изложенных в представлении вашем обстоятельств не признается удобным вновь поместить ее сына в Шуйскую гимназию, из которой он был уволен до поступления в Коломенскую гимназию, и что затем ученику Петрову предоставлено право поступить в какую-либо гимназию, кроме Шуйской».

Кажется, этим правом Петров воспользоваться не мог.

Попытку поступить обратно в Шуйскую гимназию делает также А. Толчевский, — и также неудачно. Он выбыл из Калужской гимназии 23-го января 1886 года по причинам, нам неизвестным. Опекун его купец И. Рубачев обратился к попечителю округа с прописиением о приеме Толчевского в VII класс Шуйской гимназии, прошение это было препровождено директору Рогозинникову с просьбой сообщить надлежащие сведения и свой отзыв по содержанию прошения. На обратный прием Толчевского в Шуйскую гимназию директор не согласился. 27-го февраля 1886 года за № 244 он пишет: «Ученик А. Толчевский имеет особенную надобность в строгом надзоре за своим поведением и с пользою для себя может учиться только в пансионе гимназии, особенно после смерти отца. В Шуе он стал бы жить в своем доме в качестве, если не юридического, то фактического хозяина. Если ученик этот действительно желает кончить гимназический курс с успехом, то может достигнуть этого не иначе, как оставаясь пансионером же, но при отсутствии пансиона во вверенной мне Шуйской гимназии я считаю принятие Толчевского снова в число воспитанников оной и для гимназии неудобным и для него вредным».

И на сей раз попечитель гр. Капнист согласился с директором Рогозиниковым, и в ответ на эту бумагу правитель канцелярии попечителя от 5-го марта 1886 года за № 2614 уведомил Рогозинникова, что попечитель в виду изложенных в отзыве директора оснований не признал возможным удовлетворить прошение опекуна Толчевского купца Рубачева касательно перевода упомянутого ученика в Шуйскую гимназию.

Повидимому никаким другим взысканиям уволенные шуйские гимназисты не подверглись. Окончательное решение по делу Ф. Ильина, признанного наиболее из них виновным, последовало не скоро, только через 2 года после увольнения его из Шуйской гимназии. 30 июля 1886 года управляющий московским округом, окружный инспектор Вейнберг за № 7231 сообщил директору Шуйской гимназии следующее: «Управляющий Министерством Юстиции уведомил министерство народного просвещения, что по всеподданнейшему его докладу обстоятельств дознания, к коему в числе других лиц, обвинявшихся в государственном преступлении привлечен был обучавшийся в Шуйской гимназии мещанин Федор Ильин, государь император в 30 день июня 1886 года высочайше соизволил учредить над обвиняемым Федором Ильиным надзор учебного его начальства на один год, с заменою сего надзора в случае выхода или исключения обвиняемого из учебного заведения ранее истечения срока гласным надзором полиции». Кроме того управляющий округом просил директора собрать и доставить ему сведения, где находится Ильин. К этой бумаге и была приложена «Записка» об Ильине Куницына, о которой мы уже упоминали.

Директор Рогозинников поспешил донести в округ, от 1-го августа 1886 года за № 753, что бывший ученик Ильин, по окончании курса в Рязанской гимназии в 1885 году поступил на юридический факультет московского университета, где и продолжает курс учения, а летом 1886 года находился в Шуе у отца.

Нам говорили, что попечитель округа присыпал в Шую для разбора этого дела окружного инспектора Вейнберга, но в делах гимназии никаких следов не сохранилось об этом. Вейнберг образовал под своим председательством комиссию в составе директора и инспектора гимназии Меморского, допрашивал учеников по одиночке, но повидимому ни-

чего о кружке не узнал. Инспектор находил, что ученикам, исключенным из гимназии, следует дать возможность окончить курс, хотя бы в других местах, тем более, что все это были способные и умные люди.

Впоследствии Ф. В. Ильин жил в Шуе, состоя членом городской управы, и несколько лет тому назад умер. Университета ему не удалось окончить. Умер и А. Г. Толчевский, гимназию он не окончил. У него был вместе с компаньоном механический завод (ныне завод № 6 имени М. В. Фрунзе) и бумаго-ткацкая фабрика, он состоял почетным мировым судьей, городским и земским гласным. Н. А. Листретов окончил университет, служил долго по судебному ведомству в Ярославской губернии, а затем в Москве членом окружного суда. Судьба К. Д. Бальмонта известна, об остальных упомянутых в деле лицах сведений не имеем.

---

the first time, I have seen the original manuscript of the "Liber de Genesi ad litteram" by St. Ambrose. It is a very fine specimen of early Christian Latin writing, and I am sure it will be of great interest to you. The manuscript is in excellent condition, and the ink is clear and legible. The text is written in two columns, and there are some marginalia and headings. The paper is aged and yellowed, but the ink has not faded significantly. The book is bound in a simple cloth cover, and the spine is visible. The overall impression is one of great age and historical significance.

The manuscript is in two volumes, and the total number of pages is approximately 150.

The price of the manuscript is \$15,000.00, plus shipping and handling. Please let me know if you would like to see more information or if you have any questions.

Yours sincerely,

John Smith
Antique Bookseller

P.S. I am also offering a copy of the "Liber de Genesi ad litteram" by St. Ambrose in a modern edition, which is a facsimile of the original manuscript. The modern edition is in two volumes, and the total number of pages is approximately 150.

The price of the modern edition is \$12,000.00, plus shipping and handling. Please let me know if you would like to see more information or if you have any questions.

Yours sincerely,

John Smith
Antique Bookseller

P.S. I am also offering a copy of the "Liber de Genesi ad litteram" by St. Ambrose in a modern edition, which is a facsimile of the original manuscript. The modern edition is in two volumes, and the total number of pages is approximately 150.

The price of the modern edition is \$12,000.00, plus shipping and handling. Please let me know if you would like to see more information or if you have any questions.

Yours sincerely,

John Smith
Antique Bookseller

P.S. I am also offering a copy of the "Liber de Genesi ad litteram" by St. Ambrose in a modern edition, which is a facsimile of the original manuscript. The modern edition is in two volumes, and the total number of pages is approximately 150.

The price of the modern edition is \$12,000.00, plus shipping and handling. Please let me know if you would like to see more information or if you have any questions.

Yours sincerely,

John Smith
Antique Bookseller

P.S. I am also offering a copy of the "Liber de Genesi ad litteram" by St. Ambrose in a modern edition, which is a facsimile of the original manuscript. The modern edition is in two volumes, and the total number of pages is approximately 150.

The price of the modern edition is \$12,000.00, plus shipping and handling. Please let me know if you would like to see more information or if you have any questions.

Yours sincerely,

John Smith
Antique Bookseller

С О Д Е Р Ж А Н И Е

П. Эиземплярский. Село Иваново в жизни Сергея Геннадиевича Нечаева	5
Н. Агриков. Шуйский противоправительственный кружок 80-х годов прошлого столетия	23
А. Овсянников. Из школьных лет К. Д. Бальмонта — история увольнения его из Шуйской гимназии (1884 год)	69

ИЗДАНИЯ
ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОГО ГУБЕРНСКОГО
НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДЕНИЯ.

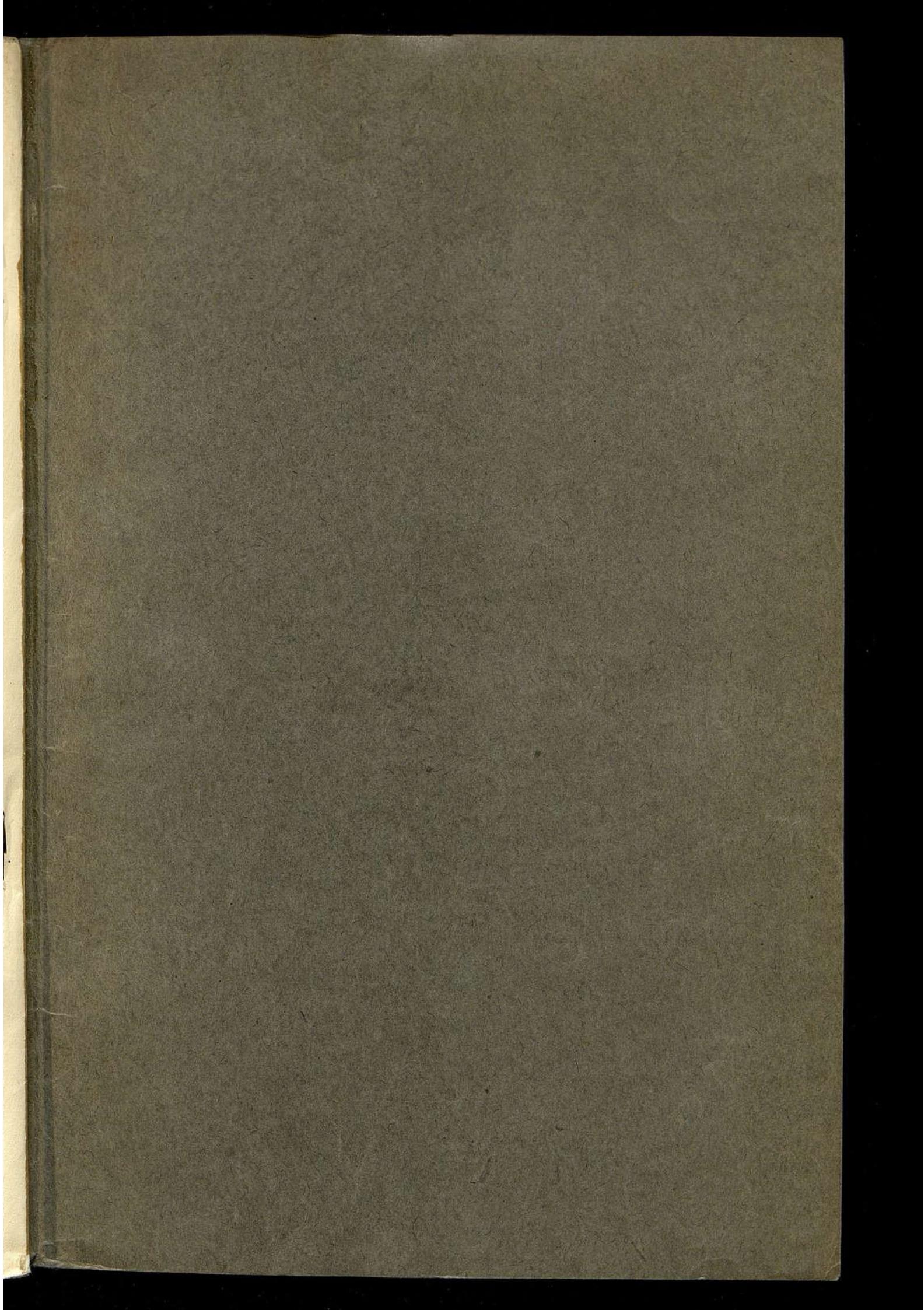
1. Труды Иваново-Вознесенского Губернского Научного Общества В продаже нет.	
2. Труды Иваново-Вознесенского Губернского Научного Общества Краеведения. Вып. 2 1924 г.	1 рубль
3. Первый год деятельности Иваново-Вознесенского Научного Общества Краеведения. 1924 — 1925	25 коп.
4. Труды Иваново-Вознесенского Губернского Научного Общества Краеведения. Вып. 3. Итоги краеведной работы губернии в докладах первой губернск. краеведческой конференции. 1925 г.	3 рубля
5. Второй год деятельности Иваново-Вознесенского Научного Общества Краеведения — 1925 г. Изд. 1926 г.	25 коп.

Серия программ и инструкций, издаваемых Иваново-Вознесенским Об-вом краеведения и Костромским Научным Об-вом по изучению местного края при участии Центрального Бюро Краеведения.

В настоящей серии вышли из печати и поступили в продажу следующие программы:

1. Н. Беляева и В. Смирнов. Программа по собиранию сведений о средствах перевозки и передвижения. Иваново — Кострома, 1926 г.	12 коп.
2. В. Смирнов. Крестьянские земельные переделы и народные меты. Иваново — Кострома, 1926 г.	3 коп.
3. Ф. И. Розанов. Программа по изучению местной промышленности низовыми — волостными и районными — краеведческими организациями. Иваново — Кострома, 1926 г.	15 коп.
4. А. П. Моклецов. Программа по обследованию торговли низовыми краеведческими организациями. Иваново — Кострома, 1926 г.	9 коп.
5. Л. А. Невский. Программа фенологических наблюдений. Иваново — Кострома, 1926 г.	20 коп.
6. В. М. Пчелкин. Программа исследования растительности. Иваново — Кострома, 1926 г.	30 коп.
7. Я. В. Принцев и Котомин М. Программа обследования положения наемного труда. Иваново — Кострома, 1926 г.	9 коп.
8. В. С. Доктуровский, проф. — Программа по изучению торфяных болот. С 10-ю рис. в тексте. Иваново — Кострома, 1926 г.	35 коп.
9. В. П. Юницкий. Краткое пособие для морфологического изучения почв. С 3 рисунками и 1 вклейным планом. Иваново—Кострома, 1926 г.	45 коп.

Цена 1 руб. 20 коп.

